

ДЖАЗМИН
ДАРЗНИК

ГОЛОС
ПОЙМАННОЙ
ПТИЦЫ

Перевод Юлии Полещук и Юлтан Садыковой

МИОО

1

Есть переулок, в котором мальчишки,
влюбленные в меня когда-то,
все с теми же волосами спутанными,
шеей тонкой, тощими ногами,
до сих пор думают
о невинных улыбках девчонки,
которую ночью однажды
унес с собой ветер.

«Новое рождение»

В тот день закончилось мое детство; правда, тогда я об этом еще не догадывалась. Если бы я знала, что случится там, вошла бы за матерью в ту комнатушку в квартале, который называли «Дном города»? Если бы я понимала, зачем мы туда едем, не сбежала бы я, прежде чем мать постучала медным молотком в дверь? Едва ли. Мне тогда было шестнадцать, меня считали своенравной, но в те мгновения, когда мы с сестрой стояли под синим зимним небом Тегерана, я понятия не имела, что со мной станется, а бунтовать боялась.

Тем утром мы с матерью и сестрой, вопреки обыкновению, вышли из дома в чадрах. Уже это одно должно было бы меня насторожить. Мы с сестрой никогда не носили чадру, а мать надевала ее только дома, перед намазом. У нее была легкая хлопковая чадра, белая, с бутонами роз: в ней она молилась. Нам же с Пуран она в тот день выдала совсем другие покровы — черные, тяжелые, в каких ходили разве что старухи.

— Одевайтесь, — велела она.

Я решила, что мы едем в храм замаливать мои грехи: другого объяснения маминому требованию у меня не нашлось. Я надела чадру и встала перед зеркалом. Оттуда на меня смотрела худая, бледная девушка с тяжелой челкой, которая выбивалась из-под чадры.

Пуран тоже накинула покрывало. Чадра прятала ее тело, виднелось только лицо, и сестра казалась совсем крохотной. Под глазами ее чернели полумесяцы бессонницы, под левым наливался синяк.

«Значит, ей тоже досталось», — подумала я.

— Не свалитесь в *джуб*! — крикнула мать.

Мы с сестрой перепрыгивали покрытые льдом канавки посреди улицы. В нескольких кварталах от дома нам навстречу попался первый из многочисленных городских лоточников и уличных торговцев. Два его осла были навьючены мешками с гранатами, дынями, баклажанами, всевозможной глиняной посудой и кухонной утварью: казалось, спины их прогнулись под тяжестью поклажи. Неподалеку от улицы Пехлеви** мать махнула вознице, и к нам подкатили дрожки, небольшой крытый экипаж с черным верхом.

Втроем на заднем сиденье было тесно. Мать прикрыла чадрой лицо, подалась к вознице и что-то прошептала. Он недоуменно взглянул на нее.

— Вам действительно нужно именно туда? — уточнил он. — Прошу прощения, но там не место для таких ханум***, как вы.

---

* Канавка (*фарси*). Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика.

** Она же Вали-Аср — самая длинная (восемнадцать километров) улица в Тегеране, пересекающая город с севера на юг.

*** Дама (*фарси*).

Мать что-то ответила, но слов было не разобрать. Возница одной рукой поправил галстук, другой взял кнут, хлестнул лошадь — и дрожки тронулись с места.

— Куда мы едем? — шепотом спросила я сестру и раз другой легонько ткнула ее локтем в бок. Но она даже не взглянула на меня, откинулась на спинку сиденья и понурилась голову.

Был одиннадцатый час утра, и улицы кишели народом; хозяйки шли за провизией на базар. Из переулка за углом змеилась очередь в булочную. Торговцы несли на голове подносы с лепешками, пробежал мальчишка с двумя огромными глиняными кувшинами. Мы ехали молча; дрожки свернули с оживленной улицы в какой-то проулок. Колеса повозки скрипели и тархтели; окрестности были мне незнакомы. Километра через полтора мы наконец миновали вокзал. Каменная мостовая сменилась землей, и копыта нашей лошади уже не цокали звонко, а гулко стучали по утрамбованной земле: я догадалась, что мы в южной — беднейшей — части Тегерана.

Улицы здесь были запущенные, и чем дальше, тем неопрятнее казались мечети, дома, лавки. Целые семейства жались к кострам из кизяка, тянулись к огню, потирали руки, пытаясь согреться. У входа в мечети просили подаяние женщины с младенцами, примотанными платком к груди; тут же, возле материних юбок, резвились дети постарше. У стен домов сидели мужчины; по улице сновали босоногие подростки.

Нищие, лужи, мусор, бродячие собаки — я не отрываясь смотрела по сторонам. Никто из моих знакомых никогда не бывал здесь. Мне хотелось увидеть все. Мне хотелось понять.

— Нечего глаза пялить! — одернула меня мать и велела сесть ровно.

На перекрестке дрожки резко остановились: какой-то мужчина переводил через дорогу двух ослов. У всех

здешних домишек были глинобитные стены и покатые жестяные крыши, дороги были изрыты ухабами. Этот район назывался «Дном города», но узнала я об этом гораздо позже.

— Вам точно сюда? — еще раз спросил возница, когда дрожки остановились.

Мать нервно кивнула и молча протянула ему деньги.

Я вылезла из повозки, и в нос мне ударила вонь — причудливая смесь грязи, дыма и кизняка. От страха меня вдруг пробрал озноб, ноги подкосились, и, чтобы не упасть, я ухватилась за локоть сестры. С дальнего конца переулка доносился собачий лай, из печных труб в ясное январское небо летели кляксы черного дыма.

Я сделала несколько шагов вслед за матерью и сестрой, остановилась и спросила, уперев руки в боки:

— Зачем мы здесь? Куда мы идем?

— В лечебницу, — тихо ответила мать, не глядя мне в глаза. — Пошевеливайся, бога ради.

Недоумение мое не исчезло, однако я успокоилась. Ночью рука совсем разболелась, распухшую нижнюю губу дергало. Я обрадовалась, что сейчас мне дадут обезболивающее.

Я подобрала чадру, сжала ее щепотью под подбородком и направилась следом за матерью и сестрой. У ближайшего строения мать схватила зубами край чадры, освобождая руки, взялась за медный молоток и постучала в дверь — раз, другой. В следующее мгновение дверь приоткрыли.

В вестибюле толпились женщины. Они стояли вдоль стены парами и группками, пожилые и совсем молоденькие, понуро ждали своей очереди, кусали губы и молчали.

С потолка свисал истертый, линялый ковер — импровизированный занавес, отделяющий вестибюль от прочих помещений. Чуть погодя девушка лет шестнадцати или семнадцати отодвинула ковер и провела нас по коридору в тесную комнатку, освещаемую двумя небольшими

керосиновыми лампами. Там стояла едкая вонь: мне показалось, пахнет нашатырем. Прищурившись, я огляделась. Под самым потолком виднелся квадрат окна, забранный железной решеткой. У стены стоял стол, накрытый белой простыней. В дальнем углу умывальник в бурых прожилках. Стены были голые, но, когда глаза мои привыкли к темноте, я заметила, что по одной стене от пола до потолка змеится трещина.

Я посмотрела на сестру, но она отвела глаза. Не тогда ли, не в ту ли минуту я догадалась, зачем мы приехали — или, скорее, зачем меня привезли сюда? Может, и так, но было уже слишком поздно. Отворилась дверь, вошла дебелая матрона с острым подбородком. Волосы у нее были расчесаны на пробор и забраны в узел на шее. Старуха закрыла дверь, поздоровалась наскоро, скользнула глазами по нам с сестрой и спросила у нашей матери:

— Которая?

Мать кивнула на меня.

Я беспомощно смотрела, как мать с сестрой выпроводили из комнаты. Девушка стояла, сцепив руки перед собой в замок.

— Садись, — матрона указала мне на стол. Я послушалась.

— Снимай трусы и ложись на спину, — велела она грубо, ведь моей матери и сестры уже не было рядом.

— Трусы?

Она кивнула.

Я покачала головой.

— Не сниму!

Старуха и девушка переглянулись. Я никогда не забуду ни их взгляды, ни страх, охвативший меня в тот миг. Я попыталась слезть со стола, но не успели ноги мои коснуться пола, как девушка шагнула ко мне. Она была тоненькая как тростинка, но на удивление сильная. Девушка толкнула меня на спину, привычным, как показалось

мне, жестом задрала мои ноги на стол, уперлась локтем мне в грудь и крепко зажала мне рот ладонью.

— Лежи смирно! — скомандовала старуха, засучила рукава и глубоко вздохнула. Потом сдернула мои трусы до щиколоток и одной рукой разжала мне колени.

Все, что было дальше, я забыла — или убедила себя в том, что забыла. Помню только одно: я сопротивлялась, и сопротивлялась яростно. Я оперлась на локти, пиналась, но девушка лишь сильнее давила локтем мне в грудь, крепче зажимала мне рот, чтобы я не кричала. Старуха схватила меня за щиколотки.

— Лежи смирно! — дружно велели обе.

Старуха проворно развела мне колени и сунула в меня два согнутых пальца. Я дернулась, пнула ее, на этот раз жестче. Тогда-то это и случилось — в тот миг, когда я попыталась вырваться. Меня вдруг пронзила боль, и я ахнула.

Старуха вынула из меня пальцы и порывисто вытерла их тряпкой. Что-то вынуло ее остановиться, и на лоб ее набежала морщина.

— Глупая ты девчонка. — Она посмотрела мне прямо в глаза — в первый раз с той минуты, как я пришла. — Я же велела тебе лежать смирно, но ты не послушалась и гляди, что натворила. — Она покачала головой и швырнула тряпку в корзину возле стола.

— Плева не повреждена, — сказала она моей матери, когда та вернулась в комнату. — Ваша дочь девственница.

Я затаила дыхание, боясь сказать слово.

— Слава Богу, — мать воздела руки к потолку и пробормотала молитву. — А сертификат?

— Разумеется, — беззаботно ответила старуха и направилась к двери. — Я сама его выпишу, ханум.

— У меня не было выхода, — всхлипнула сестра, когда все ушли и мы остались вдвоем. Она закрыла лицо

руками. — Мать заставила показать ей письма Парвиза к тебе. Она заявила в кино, ну, когда ты была с ним одна. Должно быть, догадалась, что ты что-то задумала, потому что, когда мы вернулись домой, она вынудила меня показать ей письма. Клянусь, у меня не было выхода...

Она казалась такой несчастной: глаза опухли от слез, щеки покраснелись. Я сразу представила, как мать выследила ее; тем больнее было видеть синяк, со вчерашнего вечера расплывавшийся под ее левым глазом. Я не винила ее за то, что она показала матери письма Парвиза, вовсе нет, однако тогда в лечебнице я не нашла что ответить на мольбу сестры о прощении. И уж точно я не могла признаться ей, что, когда я после осмотра встала со стола и принялась одеваться, ноги у меня подкосились, голова закружилась, я едва не упала и в этот миг заметила корзину в углу. От того, что я там увидела, у меня екнуло сердце. Красная полоса на белой ткани. Кровь моей невинности.

Долгое время я боялась кому-нибудь рассказать о том, что со мной случилось, и даже подумать об этом, но теперь я могу вам сказать: в тот день кончилось мое детство и началась настоящая жизнь. И этого не отменить.

2

Меня зовут Форуг, по-персидски это значит «негасимый свет».

Я родилась в Иране, стране, что раскинулась на пять тысяч километров на каменистом плато в кольце высоких гор. На севере, вдоль Каспия, — сосновые, березовые, осиновые леса; на юге — бирюзовые купола мечетей, деревни, высеченные из медовоцветного камня, разоренные